

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука — Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2(25)
ЛЕТО
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Р.Н. Крапивина, Н.С. Яхонтова. Тибетско-монгольские четверостишия в тибетско-монгольском словаре «Море имен» 5

Васубандху. «Абхидхармакоша» («Энциклопедия Абхидхармы»), профетический фрагмент раздела «Самадхи-нирдеша» («Учение о созерцании»). Предисловие, перевод с санскрита и комментарии *Е.П. Островской* 28

ИССЛЕДОВАНИЯ

К.М. Богданов. Ритуальный текст, содержащий элементы небуддийских религиозных представлений тангутов 39

С.Л. Бурмистров. Сознание-сокровищница как основа сансары и Просветления в ранней йогачаре 58

Е.В. Танонова. Сюжет о *неиссякаемых одеждах* героини в «Махабхарате» и эпосе телугу 73

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О.М. Чунакова. Неопубликованный согдийский документ из Сериндийского фонда ИВР РАН 83

К.Г. Маранджян. «Детские вопросы» («Додзимон») японского конфуцианского мыслителя Ито Дзинся 89

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

С.Г. Елисеев. Политические впечатления лета 1917 г. Министерство Тэраути, дипломатическое совещание и торговля Японии за первые полгода 1917 г. Подготовка к публикации, введение и комментарии *С.И. Марахоновой* 100

Издание осуществлено
при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного университета

Документы по деятельности В.С. Воробьева-Десятовского.
Предисловие, подготовка к публикации и примечания
Т.В. Ермаковой 112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И.В. Базиленко. Восьмая Конференция Европейского общества иранистов в Российской Федерации (Санкт-Петербург, сентябрь 2015 г.) 122

Т.А. Пан. Ежегодная научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения» (Санкт-Петербург, ИВР РАН, 9–11 декабря 2015 г.) 124

В.П. Иванов. Лекторий ИВР РАН в 2015 г. 130

РЕЦЕНЗИИ

Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука; Восточная литература, 2014. — 319 с.: илл. (*Т.А. Пан*) 135

М. Сергеев. Теория религиозных циклов: традиция, современность и вера бахаи. — Leiden; Boston: Brill, 2015. — 161 с. (*Ю.А. Иоаннесян*) 137

Ulrich Timme Kragh. Tibetan Yoga and Mysticism. A Textual Study of the Yogas of Nāropa and Mahāmudrā Meditation in the Medieval Tradition of Dags po. — Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies of the International College for Postgraduate Buddhist Studies (Studia Philologica Buddhica Monograph Series XXXII), 2015. — 708 p. (*Е.С. Бушуев*) 140

Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН. Авторы-составители А.В. Зорин, М.Б. Иохвин, Л.И. Крякина. Под общей редакцией А.В. Зорина. Главный консультант А.А. Терентьев. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 240. (*Е.В. Иванова*) 144

На четвертой стороне обложки:
Миниатюра из рукописи Ms_Ind_IV_19,
«Индийская мифология»

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
М.А. Унке
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей),
2016

вать власть в своих руках. Следовательно, правомерным было бы констатировать, что в административной системе бахаи имеются наряду с демократическими и теократические тенденции при полном отсутствии тенденций клерикальных и авторитарных (поскольку принцип единоличного управления не применяется ни на одном уровне ее функционирования). И в этом ее коренное отличие от государственных моделей в истории, претендовавших или претендующих на «теократию», а по сути являвшихся или являющихся клерикальными.

Характеризуя религию бахаи в целом, автор замечает: «...если современность (modernity) предлагает краткосрочные решения социальных проблем человечества, сосредоточиваясь на внешних реформах, вера бахаи предусматривает долгосрочные перемены, основанные на внутреннем преобразовании индивидуумов... Соответственно, учение бахаи направлено на выживание человечества в масштабе всей планеты» (с. 112). Подводя итоги своему исследованию, автор делает следующие выводы: «...хотя некоторые черты мировоззрения бахаи могут показаться шагом назад по сравнению с идеологией эпохи Просвещения, системное сравнение между ними выявляет прогрессивную природу первого по отношению ко второму... Во-первых, — продолжает автор, — доктрины бахаи обнаруживают духовную глубину, отсутствующую в идеологии Просвещения, которая обновляется на чистом разуме и внешних социальных преобразованиях. Во-вторых, учение бахаи подтверждает большинство принципов Просвещения в ином религиозном контексте и таким образом укореняет их глубже в человеческой психике и сознании. В-третьих, идеология бахаи учитывает неравномерное развитие наций на планете, видоизменяя некоторые принципы Просвещения так, чтобы они больше соответствовали всему человечеству... В целом вера бахаи представляет собой религиозную традицию, которая не является ни „антисовременной“ (antimodern), ни просто современной, ни даже постсовременной (postmodern)... Такая позиция... придает вере бахаи исключительную притягательность (unique attraction) и преимущество над старыми и более поздними религиозными движениями — преимущество, которое, будучи верно понято и оценено, явит свой долгосрочный потенциал», — суммирует свои выводы автор (с. 117–118).

В заключение скажем, что книга М. Сергеева, несомненно, представляет собой глубокий и основательный труд. Построенное на широком круге источников, его исследование вносит ценный вклад в изучение не только эволюции религиозного и общественного сознания человечества, но и очерчивает возможные перспективы его дальнейшего развития. В части предложенной теории «религиозных циклов» М. Сергеев выступает новатором, а сама эта теория заслуживает самого серьезного рассмотрения. Высказанные нами выше замечания носят не столько критический, сколько полемический характер. Книга, безусловно, весьма востребована и найдет отклик у широкого круга специалистов и студентов, занимающихся религиоведением, обществознанием, философией, культурологией и историей.

Ю.А. Иоаннесян

Ulrich Timme Kragh. Tibetan Yoga and Mysticism. A Textual Study of the Yogas of Nāropa and Mahāmudrā Meditation in the Medieval Tradition of Dags po. — Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies of the International College for Postgraduate Buddhist Studies (Studia Philologica Buddhica Monograph Series XXXII), 2015. — 708 p. — ISBN 978-4-906267-72-9.

Современная школа кагью (*bka' brgyud*) представляет собой одно из наиболее активных и жизнеспособных направлений в тибетском буддизме, чье основание принято связывать с деятельностью великих тибетских наставников — Миларепы (*Mi la gas pa*), Марпы (*Mag pa*) и Гампопы (*Sgam po pa*). По утверждению тибетской традиции, жизнь и духовная карьера этих учителей напрямую связывает школу кагью с индийскими махасиддхами (*mahāsiddha*) Тилопой (*Tilopa*) и Наропой (*Nāropa*), принимавшими активное участие в развитии буддийского тантрического движения (*mantrāna*, *vajrayāna*) в Индии. Вопреки своей прямой связи с великими адептами индийской ваджраяны, тибетская школа кагью не представляет собой исключительно тантрическую систему, но отличается оригинальным комбинированием учений классической (*pāramitāna*) и тантрической (*mantrāna*) махаяны (*mahāyāna*).

В отличие от Миларепы и Марпы, фигура Гампопы Сонама Ринчена (*Sgam po pa Bsod*

pams rin chen, 1079–1153) исследована значительно меньше и в современной буддологии ассоциируется с трактатом «Драгоценное украшение освобождения» (*Dags po thar rgyan*). Данное сочинение представляет собой пространное руководство по этапам пути к пробуждению (*lam rim*) и составлено с позиции классической махаяны. Связывать Гампоу исключительно с этим сочинением — значит неизбежно формировать искаженное представление об этом авторе только как о монахе школы кадампа (*bka' gdams pa*)³ и последовательном стороннике классической махаяны, проповедующей культивирование (*bhāvanā*) запредельных совершенств (*rāgamitā*) в течение трех неизмеримых кальп (*asamkhyeyakalpa*). В действительности, его биография представляется многим более сложной, а проповедуемое им учение характеризуется новационностью, позволившей Гампопе встать у истоков нового махаянского учения и целого корпуса буддийской литературы.

Книга «Тибетская йога и мистицизм: Текстологическое исследование йог Наропы и созерцательной практики махамудры в средневековой традиции Дагпо» доцента Копенгагенского университета У.Т. Крагха является результатом 20-летнего исследования учения, духовной практики и письменного корпуса буддийской школы Дагпо⁴. Это исследование представляет большой вклад в современную буддологию и тибетологию прежде всего по трем веским причинам. Во-первых, на базе богатого текстологического материала У.Т. Крагх демонстрирует процесс развития буддийского учения в один из наиболее любопытных исторических периодов тибетского буддизма, когда школа кагью и ряд других буддийских традиций Тибета находились на стадии формирования. Понимание процессов, происходивших в это время, позволяет существенно продвинуться в изучении ранних этапов истории одной из самых влиятельных школ тибетского буддизма. Во-вторых, работа У.Т. Краг-

ха представляет собой значительный вклад в исследование одного из наиболее влиятельных учений тибетского буддизма, с XVI в. известного в тибетских сочинениях⁵ как «сутра-махамудра» (*mdo'i phyag chen*, **sūtramahāmudrā*). До недавнего времени исследования Д. Джэксона⁶ и К.-Д. Матеса⁷ выступали одними из немногих трудов, напрямую посвященных данной проблематике. Монография У.Т. Крагха является важным дополнением к уже полученным в этой области результатам. В-третьих, в XV–XVII вв. учение сутра-махамудра подверглось процедуре махаянизации, в результате которой содержание данной традиции оказалось в большой степени переосмыслено с использованием обширного терминологического аппарата классической махаяны (с. 165). Исследование этого учения на базе письменных памятников «Собрания речений Дагпо» позволяет существенно лучше понять истоки этой религиозной системы, специфику ее формирования и развития на наиболее ранних этапах.

Источниковая база работы — отпечатанный в монастыре Даггла Гампо (*Dags lha sgam po*) в 1520 г. Ксилограф — является сравнительно поздней версией текстового корпуса «Собрания речений Дагпо» (*Dags po'i bka' 'bum*). Автор хорошо осведомлен о более ранних рецензиях и вполне убедительно аргументирует свое решение остановиться именно на данной версии как существенно более структурированной и поэтому значительно более пригодной для первичного ознакомления с содержанием данного собрания (с. 200).

⁵ См., например, сочинение Гампо Таши Намгьела (*Sgam po Bkra shis nam rgyal*) «Лунный свет махамудры» (*Phyag chen zla ba'i od zer*).

⁶ См.: *Jackson, David*. Enlightenment by a Single Means: Tibetan Controversies on the “Self-Sufficient White Remedy” (*dkar po chig thub*). Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1994 (Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte Asiens 12).

⁷ См.: *Mathes, Klaus-Dieter*. Blending the Sūtras with the Tantras: The Influence of Maitrīpa and His Circle on the Formation of Sūtra Mahāmudrā in the Kagyu Schools // *Tibetan Buddhist Literature and Praxis: Studies in its Formative Period, 900–1400*. Leiden: Brill, 2006, 201–227; *Mathes, Klaus-Dieter*. Can Sūtra Mahāmudrā be Justified on the Basis of Maitrīpa's Apratiṣṭhānavāda? // *Pramāṇakīrtiḥ: Papers Dedicated to Ernst Steinkellner on the Occasion of his 70th Birthday, part 2*. Vienna: Arbeitskreis für tibetische und buddhistische Studien, 2007 (Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde vol. 70.2), 545–566.

³ Кадампа представляет собой школу тибетского буддизма, восходящую к учению знаменитого индийского наставника Атиши (*Atiśa, Dīpaṅkaraśrījñāna*, 982–1054) и его ученика Дромтонпы (*Brom ston pa*, 1005–1064). Доктринально-теоретическую основу школы кадампа составляют сутры и трактаты классической махаяны, включая крайне важное для данной традиции сочинение Атиши «Бодхи-патха-прадипа» (*Bodhipathapradīpa*).

⁴ Дагпо — второе имя Гампопы, поскольку он родом из долины Дагпо (*Dag po*).

«Собрание речений Дагпо» представляет собой корпус буддийских сочинений, составленных в долине Дагпо в Центральном Тибете в XII–XIV вв. монахами монастыря Дагдла Гампо. В основе содержания корпуса лежит наставническая деятельность буддийского монаха традиции кадампа XI–XII вв. Гампопы Сонома Ринчена. С точки зрения авторства целесообразна классификация текстов корпуса на сочинения, приписываемые непосредственно Гампопе, работы его учеников (нередко представлявшие собой конспекты устных наставлений Гампопы) и самостоятельные работы учеников Гампопы и последующих представителей этой традиции. С точки зрения содержания и жанровых особенностей У.Т. Крагх делит тексты «Собрания речений Дагпо» на следующие группы: 1) агиографии (*ram thar*); 2) наставления в дхарме для собрания монахов (*tshogs chos*); 3) ответы на вопросы (*zhus lan*); 4) руководства по выполнению йоги по шести учениям Наропы (*nā ro'i chos drug gi khrid yig*); 5) руководства по осуществлению махамудры (*phyag chen gyi khrid yig*); 6) разнообразные речения (*gsung thor bu*); 7) хвалебные сочинения (*bstod pa*); 8) трактаты об этапах пути к пробуждению (*lam rim gyi bstan bcos*) (с. 201).

Книга У.Т. Крагха состоит из пяти глав. Первая глава раскрывает особенности учения Гампопы о махамудре и ранний этап развития данного учения в Тибете. Вторая глава характеризует основные направления критики учения Гампопы со стороны Сакья Пандита (Sa skya Paṇḍita) и содержит изложение ряда позиций индобуддийских пандитов, чьи взгляды могли быть близки учению Гампопы. Третья глава целиком посвящена изучению всех имеющихся агиографий Гампопы и других источников, прямо или косвенно предоставляющих сведения о его жизни. Четвертая глава отражает социокультурную и религиозную обстановку в Тибете XI–XII вв., в которой складывалось учение Гампопы, и предоставляет широкий обзор сохранившихся рецензий текстового корпуса «Собрания речений Дагпо». Пятая глава, являющаяся наиболее объемной, посвящена исследованию структуры корпуса «Собрания речений Дагпо» и излагает содержание всех сорока текстов данного собрания.

На основе исследования агиографий Гампопы и текстового корпуса «Собрания речений Дагпо» У.Т. Крагх приходит к заключению о несостоятельности восприятия Гампо-

пы только как монаха школы кадампа и приверженца исключительно пути запредельных совершенств. В действительности, Гампопа прошел значительно более сложную духовную карьеру, получил тантрические посвящения и в результате стал наставником, одинаково компетентным в классической и тантрической махаяне. Фактически, реконструкция его жизни и духовного пути хорошо отражает многогранность новаторского учения, изобретенного Гампопой и через несколько столетий широко известного в тибетской духовной культуре как сутра-махамудра. У.Т. Крагх детально разъясняет специфику этого учения, возникшего на базе классической махаяны и ваджраяны (с. 79), но принципиально отличающегося от своих предшественников. Новшество учения Гампопы связано с возможностью осуществления цели высших тантр — обретения пробуждения (*bodhi*, *byang chub*) в нынешней жизни практикующего — без обращения к наиболее экстравагантным тантрическим методам (с. 44). Фактически, учение Гампопы предполагает осуществление состояния будды, нередко называемого в ваджраяне великой печатью (*phyag rgya chen po*, *mahāmudrā), без провозждения адепта через сексуальные практики во время инициации (*abhiṣeka*) и стадии завершения (*utpannakrama*) (с. 33). В данном случае альтернативой тантрическим методам оказываются инспирируемое наставником временное переживание пробуждения и последующее культивирование этого опыта при помощи созерцательных практик (с. 44–45). Учение Гампопы о махамудре оказывается особенно ценным, поскольку гарантирует йогинам становление буддой уже в нынешней жизни даже в том случае, если последние являются монахами и, за счет этого, в подавляющем большинстве случаев оказываются лишены права осуществлять ведущую к пробуждению в нынешней жизни тантрическую сексуальную йогу (с. 31).

Анализируя возможность индийских истоков учения Гампопы о махамудре, У.Т. Крагх убедительно опровергает тезис К.-Д. Матеса об индийском происхождении нетантрического учения о махамудре (с. 74–79) и приходит к заключению о новационном характере учения Гампопы (с. 79). Обсуждая проблематику истоков этого учения, представляется целесообразным дополнить исследование У.Т. Крагха соображением о возможной связи учения Гампопы о махамудре с четвертым посвящением в буддийских йогини-тантрах (*yoginītan-*

tra). Начиная с возникшей в VIII в. традиции «Гухьясамаджа-тантры» (*Guhyasamājatantra*)⁸, ритуал посвящения предполагал вступление новых адептов в сексуальный союз с супругой, вслед за которым следовало наставление учителя, известное в йогини-тантрах как «четвертое посвящение» (*caturthābhīṣeka*). Это наставление имело своей целью разъяснить посвящаемому подлинную природу реальности (*tattva*), опыт переживания которой — длящаяся лишь мгновение переживание пробуждения — был обретаем учениками в только что завершённом ритуале сакрального союза. Фактически, последующее наставление учителя представляло собой вербальное оформление опыта, который только что пережил сам посвящаемый. Его словесное закрепление обеспечивало учеников значительно более осмысленным представлением о последующей цели их будущей духовной практики. Разрабатывая свое собственное учение о махамудре, Гампопа исключил из программы духовного совершенствования адептов такие элементы тантрического буддизма, как сложные ритуалы и сексуальные практики, но начальный этап вдохновения новых адептов личностью духовного наставника и обеспечение первых временным опытом переживания пробуждения стали играть определяющее значение в новой системе Гампопы. Скрупулезное изучение роли наставника на ранних этапах духовного совершенствования по системе учения Гампопы — предмет будущих академических изысканий автора и его коллег, в которых, вполне возможно, будет обнаружена значительно более тесная связь с заключительным элементом посвящения в буддийских махайога- и йогини-тантрах.

Несомненной ценностью книги У.Т. Крагха представляется комплексное исследование писемного корпуса «Собрания речений Дагпо». Большая часть книги посвящена последовательному пересказу содержания всех сорока сочинений этого собрания, включающих работы по классической махаяне, ваджраяне и учению Гампопы о махамудре. Заключительная глава монографии У.Т. Крагха представляет собой всеобъемлющий справоч-

ник по представленным в данном корпусе учениям.

Особый интерес составляет изложение содержания тантрических сочинений, посвященных шести учениям Наропы (*nā ro'i chos drug*): практике порождения внутреннего тепла (*gtum mo*, **caṇḍālī*), практике ясного света (**od gsal*, **prabhāsvāra*), йоге сновидений (*rmi lam*, **svapna*), практике порождения иллюзорного тела (*sgyu lus*, **māyādeha*), практике переноса сознания (**pho ba*, **samkrānti*), практике по пребыванию в состоянии, промежуточном между двумя рожденьями (*bar do*, **antarābhava*).

Используемая У.Т. Крагхом редакция «Собрания речений Дагпо» не представляет собой корпус сочинений, отражающих единую систему духовной практики: среди рассмотренных сочинений встречаются труды, изложенные с позиции традиций кадампа, ваджраяны и учения Гампопы о махамудре. В монографии достаточно удачно изложена структура текстового корпуса традиции Дагпо, но отсутствует осмысление той логики, которой могли руководствоваться компиляторы этого корпуса сочинений при включении в собрание отдельных текстов. Многообразие традиций, представленных в «Собрании речений Дагпо», позволяет допустить, что гетерогенность представленных в корпусе учений имеет своей целью предоставить потенциальным читателям возможность выбора, что воплощает, таким образом, знаменитый буддийский принцип искусности в средствах (*upāyakaūśalya*). Одновременно с этим сам факт наличия в текстовом корпусе различных традиций позволяет пролить свет на многообразие буддийских школ и традиций, имевших популярность в тибетской долине Дагпо в XII–XIV вв.

Выдающийся труд У.Т. Крагха содержит лишь незначительное количество недочетов, которые никоим образом не призваны умалить достоинств и успешных результатов этого исследовательского проекта.

1. Проблематичным представляется использование У.Т. Крагхом термина «мистицизм» в отношении реалий тибетской традиционной культуры. Насколько известно автору этой рецензии, классический тибетский язык не содержит сколь бы то ни было точного аналога этому термину. Сам же автор прекрасно осознаёт всю сложность однозначного определения этого слова и признаёт, что вынужден употреблять термин «мистицизм» в достаточно узком значении, испытывая при этом за-

⁸ «Гухьясамаджа-тантра» является наиболее известным буддийским священным текстом класса махайога-тантр (*mahāyogatantra*), но многочисленные, появившиеся именно в этой традиции духовные практики и учения впоследствии стали неотъемлемой составляющей учений буддийских йогини-тантр.

метные сложности в попытках подогнать свое собственное употребление этого слова под уже имеющиеся дефиниции. У.Т. Крагх определяет мистицизм как «созерцательное погружение в неконцептуальность» и в качестве аналога приводит санскритский термин *mahāmudrā* и его тибетский эквивалент *phyag rgya chen po* (с. 20). Само предложенное У.Т. Крагхом определение мистицизма вызывает немало вопросов, а исконно санскритский термин *mahāmudrā* только в литературе тантрического буддизма употребляется во множестве других значений: особый ритуальный жест рук, один из четырех этапов тантрической практики, подлинная природа реальности и осуществление состояния будды как кульминация духовного пути в ваджраяне⁹.

2. Большинство тибетских терминов У.Т. Крагх дает санскритские аналоги, которые приводятся после тибетских слов и маркируются звездочкой (*). Эта практика широко распространена среди буддологов, работающих с тибетскими переводами утраченных в санскритском оригинале буддийских текстов. Не располагая в таких случаях санскрито-тибетскими билингвами, исследователи приводят термины в тибетском переводе, после которых нередко дают реконструкцию гипотетически использованных в оригинале санскритских терминов. Текстологической источниковой базой У.Т. Крагха по большей части выступает корпус «Собрания речений Дагпо», состоящий из письменных памятников, изначально составленных на тибетском языке и в связи с этим не требующих реконструкций санскритских терминов. Таким образом, решение поиска санскритских аналогов тибетских терминов в большинстве своем нецелесообразно в рамках проводимого У.Т. Крагхом исследования.

3. У.Т. Крагх регулярно использует в своем исследовании термин *anuttarayogatantra*, подразумевая под ним один из классов священных текстов ваджраяны. Автор использует этот термин без маркирования его звездочкой, однако в действительности формулировка *anuttarayogatantra* никогда не встречается в санскритских текстах, а ее частое употребление в современной буддологической литературе есть следствие неверной реконструкции тибетского термина *rnal 'byor bla med kyi*

⁹ Подробнее об этом см.: *Jackson, Rodger*. *Mahāmudrā* // *Encyclopedia of Religion*. Second Edition. Lindsay Jones, Editor in Chief. Farmington Hills: Thomson Gale, 2005, 5596.

rgyud, обозначающего один из классов буддийских тантр и восходящего к санскритским оригинальным терминам *yogānuttaratāntra* и *niruttarayogatantra*¹⁰.

4. Употребляемый У.Т. Крагхом санскритский термин *samprannakrama* (см., например, с. 50), обозначающий в исследовании автора стадию завершения духовной практики в тантрическом буддизме, в действительности также никогда не используется в санскритских текстах. В индийской ваджраянской литературе стадия завершения обозначается терминами *utprannakrama* и *niṣprannakrama*, тогда как слово *samprannakrama*, подобно санскритскому новообразованию *anuttarayogatantra*, представляет собой неверную реконструкцию тибетского термина *rdzogs pa'i rim pa* (**utprannakrama*, **niṣprannakrama*)¹¹.

В целом, по масштабу исследованного текстологического материала, сложности и многообразию представленных в «Собрании речений Дагпо» учений книга У.Т. Крагха «Тибетская йога и мистицизм: Текстологическое исследование йог Наропы и созерцательной практики махамудры в средневековой традиции Дагпо» представляет собой действительно героическое предприятие и является крупным вкладом в изучение тибетского буддизма.

Е.С. Бушув

Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН. Авторы-составители А.В. Зорин, М.Б. Иохвин, Л.И. Крякина. Под общей редакцией А.В. Зорина. Главный консультант А.А. Терентьев. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 240 с. — ISBN 978-5-85803-466-7.

Глубокий интерес к различным аспектам культуры принявших буддизм народов — как зарубежных, так и живущих на территории

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Sanderson, Alexis*. *Vajrayāna: Origin and Function* // *Buddhism into the Year 2000*. International Conference Proceedings. Bangkok; Los Angeles: Dhammakāya Foundation, 1994, 97–98; *Isaacson, H.* *Tantric Buddhism in India (from c. A.D. 800 to c. A.D. 1200)* // *Buddhismus in Geschichte und Gegenwart*, Band II. Universität Hamburg, 1998, 5.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Isaacson, Harunaga*. *Ratnākaraśānti's Hevajrasahasajadyoga (Studies on Ratnākaraśānti's Tantric Works I)* // *Le Parole e i Marmi. Studi in Onore di Raniero Gnoli Nel Suo 70° Compleanno*. Roma, 2001, 468.